

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 8

Выходить еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫНОВА-ЩЕДРИНА и А. Н. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 № № „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 26 февраля 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 24.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Безъ достав- ки въ Петер- бургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскій дворъ.	7 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	7 р. 50 к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	7 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи.	8 р.	За границу.	12 р.
---	-------------------	---	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	--	-------------	------------------------	--------------

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всеми приложениями,—еще ПЕРВЫЯ 20 книгъ соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, приложенныя въ 1904 г.: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ СПБ.—9 р.; въ Москвѣ у Н. Печковской—10 р.; 3) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—10 р. 25 к. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ СПБ.—10 р. 50 к. СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ—11 р. За границу—15 руб.

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

Въ саду, возлѣ веранды, гремѣла музыка, но сотрапезники, кажется, совсѣмъ не замѣчали ея и, разговаривая, все сильнѣе и сильнѣе повышали голоса, словно старались перекричать не только мѣдныя трубы, но и турецкій барабанъ. Лица у всѣхъ были уже красны, а у многихъ и потны.

Самъ Ларіонъ Семеновичъ хрипѣлъ до изнеможенія. Высокимъ фальцетомъ выкрикивалъ что-то такое вице-губернаторъ, купецъ Слюзинъ хохоталъ уже безъ умолку. Одинъ изъ актеровъ поди́валъ оркестру, игравшему популярный вѣнскій вальсъ. Становилось смутно, хотя до конца обѣда, видимо, было далеко. А Людмила все еще не возвращалась.

Но вотъ, зашѣнилось шампанское, и начались тосты. Говорили по-двое, по-трое— сразу. Но всталъ губернской адвокатъ и переговорилъ всѣхъ.

Онъ говорилъ необычайно громко и краснорѣчиво, но врядъ ли кто-нибудь понялъ что-либо изъ его рѣчи. Впрочемъ, ему кричали «ура», а кто-то даже обнялъ и расцѣловалъ его въ обѣ щеки.

Всталъ самъ Полтининъ, поднялъ бокалъ и началъ

Въ царствѣ вѣчнаго поноя. Картина Ю. Клевера, авт. «Нивы».

какой-то спичь. Но какъ разъ въ это время музыка заиграла развеселый галопъ.

— Тихе! Тихе! Перестаньте играть!—закричало нѣскольکو голосовъ.

Музыка оборвалась, но Ларіонъ Семеновичъ успѣлъ уже забыть, что именно онъ хотѣлъ сказать, и, махнувъ рукой, онъ произнесъ только:

— За здоровье моихъ дорогихъ гостей!

Но его перебили.

— За здоровье нашего хозяина!—крикнулъ кто-то.

Оркестръ грянулъ тушъ, гости закричали «ура!»

А Людмила все еще не возвращалась.

Всѣ встали изъ-за стола, закурили сигары и папирсы и, спустившись въ цвѣтникъ, принялись за кофе. Особенно захмѣлѣвшихъ препроводили куда-то во внутреннїя комнаты дома. Въ числѣ ихъ былъ и Асбестъ Ильичъ Зобковъ, и купецъ Харинъ, и одинъ изъ петербургскихъ актеровъ, не тотъ, что эlegantный, а другой, попроче.

У Воротникова шумѣло въ головѣ. Онъ и не замѣчалъ, какъ ему подливали вино, и какъ онъ машинально выпивалъ его. Но сегодня оно дѣйствовало на него не по-вчерашнему: онъ былъ сумраченъ, и глаза его почему-то сердито поглядывали на всѣхъ.

«Какое безобразіе!—вертѣлось у него въ головѣ.—Какая скверная животная жизнь! Всѣ интересы—въ утробѣ и все для утробы!»

Особенно его раздражали блѣдное, задумчивое лицо Никеша Слюзина и красная, лоснящаяся отъ пота, физиономія его тятеньки, заливавшаяся неудержимымъ хототомъ.

«А они зачѣмъ здѣсь? Что имъ здѣсь нужно?»—спрашивалъ онъ себя, а слова доктора Лыкошина, что «за Никешу Людмила, можетъ-быть, и пойдетъ, но за него, Воротникова, ни въ какомъ случаѣ», лѣзли назойливо къ нему въ голову, и онъ мысленно ругалъ доктора «дуракомъ и пьяницей».

Вечерѣло.

XVIII.

Воротниковъ отбился отъ общества. Эти полуныяные, шумливые люди были ему неприятны, и онъ одиноко бродилъ по аллеякѣ, ведшей къ берегу Волги.

И вдругъ ему показалось, что вдали мелькнула какая-то знакомая фигурка. Воротниковъ направился къ ней и узналъ Юнашова.

— Вы уже здѣсь?—спросилъ онъ его.

Поэтъ восторженно и въ то же время разсѣянно смотрѣлъ ему въ глаза и тихо шепталъ:

— Какой чудный, чудный вечеръ! Какъ тепло! Словно на югѣ!

— А Людмилы Илларионовны все еще нѣтъ, — перебилъ его Воротниковъ.

— Какъ нѣтъ? Да она уже съ полчаса, какъ вернулась. Я самъ вмѣстѣ съ ней прїѣхалъ!—сообщилъ поэтъ, съ радостной улыбкой поглядывая на Константина Федоровича.

— Вы прїѣхали... съ ней... откуда? Когда? — засыпалъ тотъ его вопросами.

— Да съ того берега! Она тамъ была, у рыбаковъ. Я съ бульвара увидалъ ея яхту, нанялъ лодку и прїѣхалъ туда. Тамъ цѣлая компанія. Варили уху, что-то жарили... знаете, импровизованный обѣдъ! Чудно! А потомъ вотъ всѣ вмѣстѣ вернулись сюда,—сообщилъ Юнашовъ.

— Гдѣ же она теперь?—едва скрывая раздраженіе, спросилъ Воротниковъ.

— Да тамъ, въ своей бесѣдкѣ надъ обрывомъ. Тамъ всѣ теперь, пойдѣте!

И они пошли.

«Я буду сухъ и холоденъ, — рѣшилъ про себя Константинъ Федоровичъ.—Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, поступать такъ! Приглашать къ себѣ въ гости, а самой

уѣзжать, а возвратившись, даже не дать знать ему объ этомъ!»

Когда они подходили къ большой, совершенно утопавшей въ зелени бесѣдкѣ, прїотившейся надъ самымъ обрывомъ, то еще издали до нихъ сталъ доноситься веселый говоръ и смѣхъ. Воротникову даже показалось, что онъ различаетъ высокій фальцетъ вице-губернатора, баритонъ петербургскаго гастролера и визгливый хохотъ купца Слюзина.

Бесѣдка внутри была ярко освѣщена электрическими лампіонами. На большомъ столѣ стояли крушоны, стаканы, недопитыя чашки кофе, бутылки съ ликерами.

Людмила сидѣла въ самой глубинѣ бесѣдки, окруженная всѣмъ штатомъ своей неизмѣнной свиты, т. е. вертлявымъ Ахмаровымъ, гнилозубымъ и полулысымъ молодымъ купцомъ «изъ новыхъ» Сусленковымъ, хорошенькой женой молодого купца Швыркова, еще какой-то барышней. Тутъ же былъ и петербургскій актеръ, и вице-губернаторъ, и Слюзины—отецъ и сынъ, и новые, еще незнакомые Воротникову, молодые люди. И все это общество, за исключеніемъ Никеша Слюзина, болтало, хохотало и пило вино.

Увидавъ Воротникова въ дверяхъ бесѣдки, Людмила громко крикнула ему:

— А! Здравствуйте!..

И оборвалась, словно забывъ его имя и отчество.

Воротниковъ хотѣлъ-было пробраться къ ней, но она, уже отвернувшись, о чемъ-то весело говорила съ Варей Швырковой и вице-губернаторомъ.

«Сейчасъ же уѣду!—сказалъ себѣ, до нельзя обиженный этимъ невниманіемъ, Константинъ Федоровичъ.—Нельзя же меня ставить на одну доску со всѣми этими...»

И онъ посмотрѣлъ на прихлебателей, толпившихся во вторыхъ рядахъ.

«Купеческая спѣсь! Зазнашки!»—бранился ужъ онъ мысленно и все повторялъ, что онъ сейчасъ же уѣдетъ... и не уѣзжалъ.

— Константинъ Федоровичъ!—тихо проговорилъ кто-то у него за плечомъ.

Воротниковъ обернулся. Рядомъ съ нимъ стоялъ Никеша Слюзинъ.

— Что это за фрукты?—спрашивалъ онъ, указывая на лежавшія въ вазѣ крупяныя, желто-красныя ягоды японской рябины.

Воротниковъ посмотрѣлъ и ничего не отвѣтилъ: онъ и самъ не зналъ, что это такое, а сознался въ этомъ передъ Никешей ему почему-то не хотѣлось.

— Идите сюда!—крикнула вдругъ Людмила въ ихъ сторону.

«Кому это она: мнѣ или ему?»—подумалъ Воротниковъ и, секунду поколебавшись, двинулся впередъ.

— И вы, и вы идите!—опять крикнула Людмила, оставшемуся на мѣстѣ Никешѣ. — Я хочу выпить съ вами вина!—заговорила она, протягивая два бокала—одинъ Воротникову, другой—молодому Слюзину.

— Я не пью,—тихо, но твердо выговорилъ послѣдній.

— Не пьете?—протянула Людмила.—Иванъ Никифоровичъ, что же это вы сына-то какъ воспитали, словно красную дѣвushу?—повернулась она къ отцу Никеша.

Но тотъ ничего не отвѣтилъ, только замахалъ руками и залился звонкимъ смѣхомъ. Не утерпѣла, разсмѣялась и Людмила.

Ободренный этимъ, Иванъ Никифоровичъ подскочилъ къ ней и, нагибаясь къ самому ея плечу, забормоталъ:

— Хуже! Хуже! Красныя-то дѣвushки нынче пьютъ! А мой-то ничего, ничего! Ни капли! Срамъ просто! Пріучить не могу!

И, выпаливъ все это, онъ отскочилъ шага два назадъ и, схватившись обѣими руками за животъ, принялся громко хихикать.

Никеша стоялъ блѣдный, но совершенно спокойный.

— Надо пить, молодой человекъ! Въ винѣ все наше веселье!—запищалъ вице-губернаторъ и поднялъ бокалъ.

— Смотрите, какъ я!—сказала Людмила и тоже потянулась къ своему стакану.

— Не правда! Вы тоже этого не любите!—вдругъ совершенно спокойно и явственно проговорилъ Никеша.

Людмила съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Кто вамъ это сказалъ? Какой вздоръ! — громко крикнула она.

— Нѣтъ, не вздоръ!.. Вамъ пить не надо!.. Вамъ отъ вина дѣлается грустно,—настойчиво повторилъ Никеша.

— Мнѣ? Грустно? Я не знаю этого слова! Ни скучно, ни грустно... Эти слова изъ репертуара нашего юнаго поэта!

И она бросила взглядъ на восторженно и въ то же время испуганно смотрѣвшаго на нея Юнашова.

— Скучаютъ люди глупые, а грустятъ — безсильные! Я не хочу быть ни тѣмъ, ни другимъ!—закончила она.

— Вы не можете быть тѣмъ и другимъ, потому что вы умны и сильны! Но онъ, онъ правъ! — восторженно проговорилъ поэтъ и, показавъ на Никешу, продолжалъ: — да, онъ правъ! Грустны вы бываете часто и именно тогда, когда вамъ кажется, что вы веселы, вотъ, какъ сейчасъ напримѣръ!

Людмила смѣрила его взглядомъ съ ногъ до головы и какъ бы желая прекратить этотъ разговоръ, повернулась къ Воротникову и сказала:

— Ну, а вы со мной выпьете?

Константинъ Федоровичъ совершенно неожиданно для самого себя улыбнулся самой предупредительной улыбкой и отвѣтилъ:

— О, съ большимъ, съ большимъ удовольствіемъ.

И, взявъ бокалъ, чокнулся съ Людмилой, а потомъ и съ вице-губернаторомъ.

«Ну, зачѣмъ? Зачѣмъ я это сдѣлалъ? —спрашивалъ уже онъ самого себя, допивая вино, и сейчасъ же себя отвѣтилъ:—а для того, чтобы, вотъ, не смѣшиваться съ ними!» — подразумевая при этомъ Юнашова и Никешу Слюзину.

— Садитесь!—улыбнулась ему Людмила, указывая на мѣсто рядомъ съ собой.

Константинъ Федоровичъ сѣлъ, а вице-губернаторъ дополнилъ его стаканъ.

Но Людмила уже опять отвернулась отъ него и болтала то съ актеромъ, то съ Сусленковымъ, то съ кѣмъ-нибудь изъ другихъ гостей.

Воротниковъ замѣчалъ, что время отъ времени она бросала какія-то странные, испытующіе взгляды на стоявшаго въ сторонѣ Никешу. И вдругъ, въ самомъ пылу разговора, она сдѣлала тому какой-то жестъ рукой, словно поманила его.

Никеша нерѣшительно приблизился къ ней. А Людмила взяла его за локоть и какъ бы насильно посадила на стулъ сзади себя, затѣмъ, перегнувшись къ нему черезъ плечо, тихо спросила:

— Вы любите Юрія Андреевича Лыкошина?

— Люблю,—совсѣмъ просто отвѣтилъ Никеша.

— Онъ мнѣ говорилъ про васъ,—продолжала она, все болѣе и болѣе поворачиваясь къ нему.—Послѣдній разъ, когда онъ былъ здѣсь, онъ мнѣ много говорилъ про васъ. Онъ васъ тоже очень любитъ.

— Да, онъ любить меня,—подтвердилъ Никеша.

— Я это знаю. И знаю за что. Онъ мнѣ говорилъ, что у васъ бѣлая душа, и онъ говорилъ, что на ней писать можно. И про сердце ваше говорилъ, что оно большое и доброе... А у него, у самого—все сердце изорванное, все въ клочьяхъ...

— Нѣтъ, не такъ,—перебилъ ее Никеша.—У него израненное сердце, но не изорванное! Не въ клочьяхъ... Оно цѣльное у него... Онъ мученикъ... Онъ за всѣхъ насъ мучается... И за меня, и за васъ...

— А любить онъ меня?—спросила вдругъ Людмила.

— Ну, да! Очень любить! Давно любить. Восемь лѣтъ.

— И я его люблю,—совсѣмъ уже шопотомъ сказала Людмила.

— Да, да! Я знаю. Я вижу. Я это еще увидѣлъ, когда

онъ показывалъ мнѣ вашу карточку!—и глаза Никеша восторженно засіяли.—Я ему тогда же и сказалъ...

— Что вы сказали, что я люблю его?—спросила Людмила.

— Нѣтъ, я сказалъ, что вы кого-то любите, а кого—я не сказалъ, я еще тогда не былъ увѣренъ, что вы его любите. А теперь вотъ вижу, да! И какъ это хорошо! Его надо любить! Его, вѣдь, не знаютъ! — почти шопотомъ проговорилъ Никеша.

А Людмила вдругъ взяла его руку и крѣпко пожала ее, а затѣмъ шепнула:

— Приѣзжайте завтра, сюда, утромъ, одинъ. Я хочу говорить съ вами.

— Ну, да! Я приду,—отвѣтилъ Никеша и, вставъ со стула, отошелъ отъ нея.

И было во время, потому что другіе гости начинали уже ревновать или, можетъ-быть, просто обижаться этимъ особымъ предпочтеніемъ, оказаннымъ Людмилой какому-то невѣдомому молодому человѣку.

И она повернулась къ нимъ и какъ бы вся вошла въ ихъ общую, шумную бесѣду.

И все повеселѣло вокругъ. Улыбка заиграла на хмуромъ лицѣ Воротникова, еще громче, еще визгливѣе завизжалъ фальцетъ вице-губернатора; оживился петербургскій гастролеръ. Даже безкровное лицо Сусленкова какъ бы посвѣжало немного.

«Чортъ знаетъ, что такое!—думалъ про себя Константинъ Федоровичъ.—Что за странная дѣвушка! Дѣлается, что хочетъ, и даже сердиться на нее нельзя. Попробуй-ка, разсердись! А она и не замѣтитъ, да такъ естественно не замѣтитъ, что и не обидишься».

И Воротниковъ рѣшилъ не сердиться больше. И Людмила, словно въ награду за это, стала съ нимъ опять мила и предупредительна.

Шумное общество, какъ галочья стая, вдругъ почему-то сразу покинуло бесѣдку и веселой ватагой, предводительствуемое Людмилой, бросилось бѣгомъ внизъ, къ самой Волгѣ, а тамъ пароходъ «Людмила» былъ уже подъ парами, и на палубѣ его толпились другіе гости Ларіона Семеновича. Самъ Полтининъ стоялъ на мостикѣ и хрипло кричалъ:

— Милости просимъ всѣ сюда! Кататься поѣдемъ!

Людмила первая вѣжала по мосткамъ, а за ней и вся ея свита. Въ рубкѣ ярко горѣли электрическіе лампіоны, и стояли кувшины съ пѣнящимся виномъ и фруктами.

Сусленковъ сѣлъ къ пианно и бойко заигралъ какую-то модную шансонетку. Варя Швыркова, не безъ шика, а главное, съ хорошимъ произношеніемъ запѣла французскія слова. Ея красивый, молодой мужъ, съ горящими глазами, принялся вторить женѣ. Вице-губернаторъ кричалъ: «Браво! браво!»

— А вы поете?—спросилъ Воротниковъ Людмилу, пробравшись къ ней.

— Я? Нѣтъ. У меня ухо бурлацкое, — весело отвѣтила она и крикнула Варѣ:—«Petit poix!» «Petit poix!»

И та запѣла новую, еще болѣе рискованную шансонетку.

А пароходъ уже шелъ по Волгѣ. Въ нижней каютѣ нашлись охотники и составили партію въ винтъ. По палубѣ были разставлены столики, и возлѣ нихъ сидѣли гости и пили вино. Только корма была погружена во мракъ, и на ней, на свернутомъ въ кругъ канатѣ, сидѣлъ Никеша Слюзинъ и смотрѣлъ на едва замѣтный во тьмѣ слѣдъ, оставляемый пароходомъ.

Къ нему подошелъ Юнашовъ и сталъ всматриваться въ него, какъ бы желая разглядѣть кто это.

Никеша молчалъ. Тогда Юнашовъ присѣлъ противъ него на «кнеку» и проговорилъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ ваша фамилія?

— Слюзинъ,—тихо отвѣтилъ Никеша.

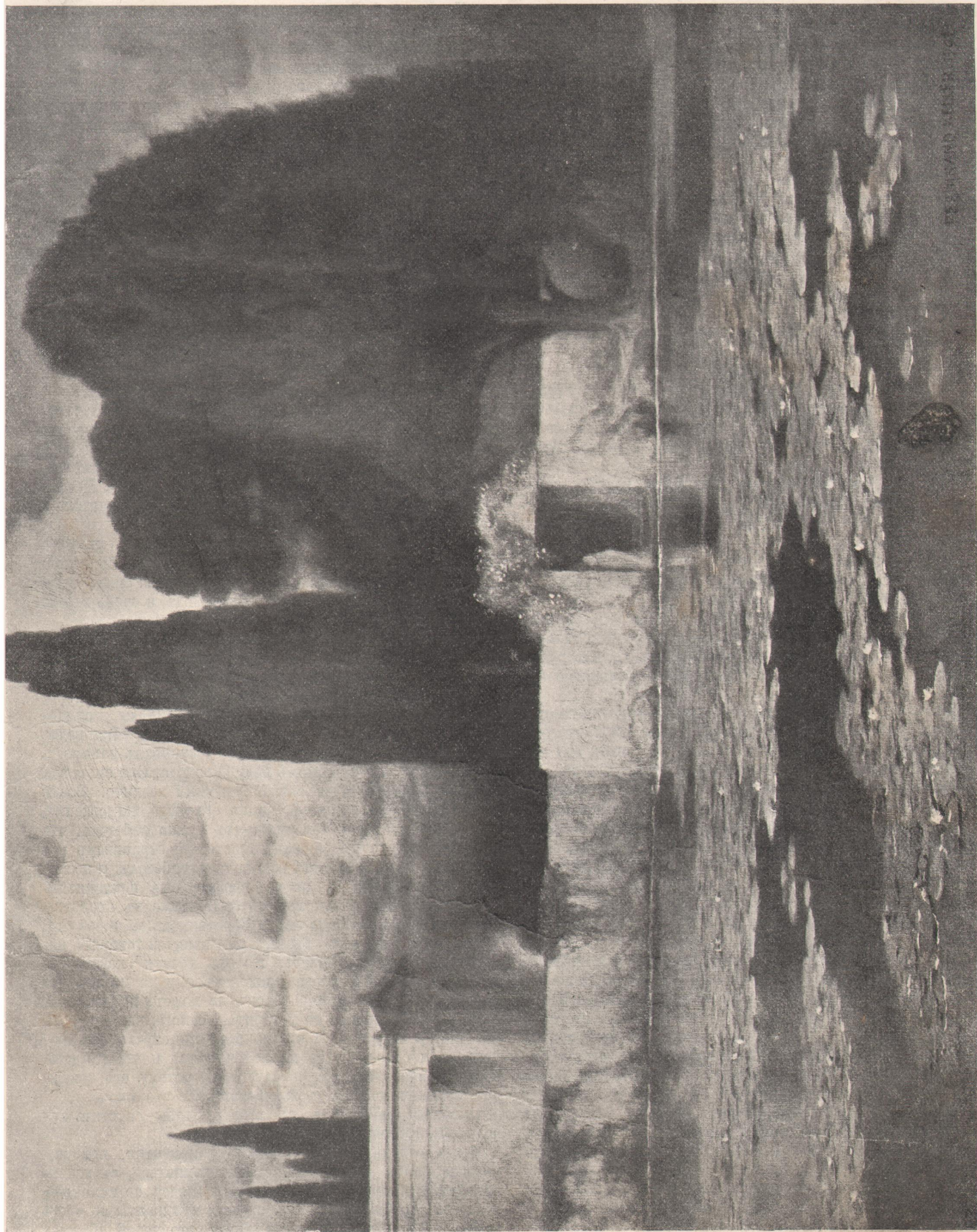
— Вы сынъ этого толстаго, краснаго, который все смѣется?

Никеша посмотрѣлъ на Юнашова и замѣтилъ, что тотъ совсѣмъ уже пьянъ, но отвѣтилъ:

— Да, вѣроятно, вы про моего отца говорите.

Божественный Цыганец. Картина Г. Макса, авт. «Нива».

Эллада. Картина Ф. Келлера, авт. «Нивы».

— А почему вы сегодня сказали, что ей пить не надо?—продолжалъ Юнашовъ.

Никеша помолчалъ немного и проговорилъ:

— Мнѣ, кажется, вы поняли меня тогда, потому что поддержали.

— Да, да! Понял! А вотъ я самъ совсѣмъ пьянъ. Ужасное положеніе! Я никакъ не могу понять, зачѣмъ я пью!—несвязно бормоталъ поэтъ.—Ну, скажите мнѣ, пожалуйста! Зачѣмъ я пью?

— А, вѣроятно, потому, что не знаете, чѣмъ замѣнить вино,—тихо отвѣтилъ Никеша.

— То-есть, какъ это?—не понявъ, переспросилъ Юнашовъ.

— Да всѣ отъ этого пьютъ. Въ душѣ у человѣка остаются пустыя мѣста, ихъ надо наполнить чѣмъ-нибудь, вотъ ихъ и заливаютъ виномъ.

— То-есть вы хотите сказать, что въ нашемъ настроеніи бываютъ... то-есть нѣтъ... не такъ... то-есть въ нашемъ состояніи духа,—пьянымъ голосомъ заговорилъ поэтъ.—Въ нашемъ состояніи духа бываютъ пустыя полосы, которыя безъ настроенія... Ну, мы ихъ искусственно, значитъ... и настраиваемъ... Такъ, что ли?

— Да, въ родѣ этого.

— Ну, а съ горя можно пить?

— Нѣтъ, нельзя. Когда большое горе, имъ вся душа полна, и мѣста вину не остается. Когда нѣтъ ни горя, ни радости—это тоже тяжело, для нѣкоторыхъ, можетъ быть, тяжелѣе самого горя, потому что—пустота. Вотъ, тогда и пьютъ.

— Ну, а... зачѣмъ докторъ Лыкошинъ пьетъ?—перебивая Никешу, неожиданно спросилъ Юнашовъ.

— Не знаю,—совсѣмъ уже тихо отвѣтилъ Никеша и сталъ опять смотрѣть на воду.

— А я спать пойду, потому что въ такомъ видѣ я себя презираю,—сказалъ Юнашовъ и, пошатываясь, побрелъ къ трапу, ведшему въ каюты.

А на пароходѣ шло, что называется, море разливанное. Оркестръ, взятый съ собою, игралъ разные вальсы, да цыганскіе романсы, а когда онъ смолкалъ, изъ рубки доносилось пѣніе, часто нестройное, но дышавшее какимъ-то одуряющимъ разгуломъ.

Воротниковъ чувствовалъ, что у него кружится голова, но онъ уже не отходилъ отъ Людмилы. Всѣ его чувства, всѣ его мысли слились въ ней, и если-бъ ему теперь сказать, что она никогда-никогда не будетъ его женой, то онъ бы не повѣрилъ; а если бы повѣрилъ, то бросился бы въ воду. Никогда еще въ жизни онъ не испытывалъ ничего подобнаго. Его сердце жали какіе-то тиски, его горло сдавливала спазма, а его глаза, возбужденные виномъ и красотой этой дѣвушки, жадно смотрѣли на нее, смотрѣли не мигая и какъ бы кричали о любви.

Людмила, конечно, видѣла это, но ей было не жаль Воротникова. Вспыхнувшая въ немъ страсть почти забавляла ее: онъ былъ такъ же ей смѣшонъ, какъ и тающій вице-губернаторъ, какъ разсыпающійся прахомъ купецъ Сусленковъ, какъ эти всѣ, жадно глядящіе на нее мужчины. Но ей не было и неприятно это вниманіе, это поклоненіе, это преслѣдованіе ее горячими глазами. Все это было въ общемъ аккордъ и съ этой теплой ночью, и съ звуками музыки, и яркимъ блескомъ освѣщенной рубки, и съ нестройнымъ пѣніемъ и дурманомъ вина. Все это было въ гармоніи съ разгуломъ, это была оргія, трепещущая, напряженная до послѣдней крайности и могущая отъ одного какого-нибудь диссонанса сразу разлетѣться прахомъ, сразу перейти въ страшную скорбь. Ни одного серьезнаго слова, ни одной задушевной ноты нельзя было допустить сюда, а нужно было подбрасывать въ этотъ яркій костеръ веселья новыя и новыя горючія вещества.

И Людмила щедро подбрасывала это топливо, напрягая всѣ предели своего обаянія, бросая почти вакхическіе взгляды, бросая ихъ на всѣхъ безъ разбора, говоря

самыя смѣлыя слова, все, что приходило ей не на мысль, не на чувства, а на ея приподнятые, возбужденные нервы.

— Вина! Еще вина!—кричалъ петербургскій артистъ.

И это было кстати, это было умѣстно.

«Поцѣлуемъ дай забвенью»,—пѣла съ цыганскимъ пошибомъ Варя Швыркова, и это было въ тонѣ, это было нужно.

Оркестръ гремѣлъ какой-то галопъ—и это было необходимо, неизбѣжно. Сусленковъ выдѣлывалъ въ рубкѣ какіе-то дикіе па негритянскаго танца,—и это было прекрасно.

— Сарынь на кичку!—крикнулъ кто-то громкимъ и пьянымъ голосомъ съ верхняго мостика, и это вызвало взрывъ радостнаго смѣха.

И центромъ всей этой оргіи была Людмила, и отъ нея шли лучи этого веселья, и она это чувствовала и напрягалась все болѣе и болѣе. Съ другой женщиной давно бы уже сдѣлалась истерика, но не съ Людмилой. Не даромъ у нея было «бурлацкое ухо» и бурлацкая сила.

Но всему долженъ былъ настать конецъ. Насталъ онъ и этой оргіи.

Зардѣлъ востокъ. Дымка тумана окутывала Волгу.

Варя Швыркова пѣла:

Облегли цвѣты, догорѣли огни...

Блѣдный, какъ полотно, Сусленковъ сидѣлъ на диванѣ въ рубкѣ и злыми глазами смотрѣлъ на стаканъ вина, который онъ никакъ не могъ допить. Петербургскій гастролеръ увѣрялъ вице-губернатора, что ни Сальвини, ни Росси не играютъ такъ Отелло и Лира, какъ играетъ онъ—Рославлевъ. А вице-губернаторъ доказывалъ ему, что вѣнская оперетта ничто въ сравненіи съ парижской.

Мужъ Вари Швырковой, красавецъ Михаилъ Ивановичъ, убѣждалъ Харина не зарываться со сланцами и что-то твердилъ про сибирское волокно.

За однимъ изъ столиковъ одинъ собутыльникъ укорялъ другого за то, что тотъ нехорошо живетъ со своей женой.

Купецъ Слюзинъ, сложивъ руки на животъ, спалъ сидя, прислонившись спиной къ трубѣ парохода, и очень весело похрапывалъ, словно онъ и во снѣ смѣлся.

Музыканты, переставъ играть, дремали подъ тентомъ на кормѣ парохода. Ларіонъ Семеновичъ бражничалъ еще со своей компаніей на капитанскомъ мостикѣ, но и тутъ разговоры начали принимать дѣловой характеръ.

Какая-то блѣдная, усталая барышня сидѣла у самаго борта и смотрѣла внизъ на убѣгавшія струйки воды. Возлѣ нея стоялъ студентъ и лѣниво докуривалъ папиросу.

Людмила была на самомъ носу парохода. Она смотрѣла вдаль и какъ бы пила свѣжій утренній воздухъ. Возлѣ нея сидѣлъ Воротниковъ. Лицо его было напряженно, почти сурово. Онъ говорилъ, что нужно работать, что

нужно работать до кроваваго пота, до страшныхъ мозолей на рукахъ и что онъ всегда такъ работаетъ, и всегда такъ будетъ работать, но что вообще онъ поклоняется силѣ и что сила вездѣ можетъ быть, даже въ красотѣ.

Людмила не слушала его, а Воротниковъ, замѣчая это, чувствовалъ, что онъ совсѣмъ уже пьянъ и говорить несвязно, но что онъ знаетъ, что онъ хочетъ сказать, но только не тѣ вотъ слова приходятъ ему на память теперь и что очень жаль, что онъ не можетъ не говорить, а что лучше бы или не говорить совсѣмъ, или говорить что-нибудь другое. Но что во всякомъ случаѣ онъ любить ее и безспорно на ней женится и что это даже очень хорошо, что она не слушаетъ, потому что завтра онъ прійдетъ къ ней и расскажетъ все это иначе.

Пароходъ подходилъ къ городу, чтобы спустить городскихъ гостей Ларіона Семеновича.

Когда отдали чалки у какой-то пристани, всѣ немножко опять оживились, стали прощаться, откуда-то подѣбхали извозчики, задрезжали колеса по каменной мостовой; дробнымъ шагомъ прошли музыканты по мосткамъ, сошли вслѣдъ за ними гости—кто вялой, расхлебанной походкой, кто прямо таки покачиваясь.

А пароходъ отчалилъ опять и пошелъ внизъ, къ дачѣ Полтинина.

Людмила попрежнему сидѣла на носу, но теперь уже она была одна, вся облитая розовыми лучами восходящаго солнца.

— Но ты будешь моей!—почти громко проговорилъ, глядя ей вслѣдъ, стоявшій на пристани Воротниковъ.

«Вотъ оно дѣло-то какое!»—подумалъ про себя Иванъ Никифоровичъ Слюзинъ, разслышавшій эту фразу, и опираясь на руку Никеша, заковылялъ по мосткамъ къ берегу.

XIX.

На утро, послѣ двухъ-трехчасоваго сна Иванъ Никифоровичъ Слюзинъ проснулся отъ какой-то тревожной мысли. Надо было что-то сдѣлать, что-то нужное, дѣловое. Но что именно, сразу сообразить онъ не могъ.

Вставъ съ постели, онъ босыми ногами прошелся по номеру, отворивъ окно, при чемъ спугнулъ ворковавшихъ по ту сторону подоконника голубей, потомъ посмотрѣлъ на спавшаго на диванѣ Никешу и сразу вспомнилъ все. Нужно было написать письмо въ Потылинскъ.

Иванъ Никифоровичъ отворилъ дверь въ коридоръ и приказалъ подать себѣ почтовой бумаги, конвертъ и чернилъ съ перомъ и сейчасъ же принялся за дѣло. Онъ писалъ своему старшему приказчику разныя инструкции по дѣламъ, а въ концѣ письма добавилъ:

«Доведи до свѣдѣнія, до Нины Сергѣевны Воротниковой, да не прямо, а окольно, что сыночекъ ихъ здѣсь и по видимости имѣютъ намѣреніе вступить въ бракъ съ дочерью купца Полтинина. Да сообщи это поскорѣе, чтобы безъ промедленія онѣ о семъ узнали. Понимаешь? Вотъ и все. Твой хозяинъ Иванъ Слюзинъ».

— Ну, вотъ и все!—приговаривалъ онъ, запечатывая письмо.

— Вотъ и все!—повторялъ онъ, надписывая адресъ и наклеивая марку.

— Вотъ и все!—заклучилъ онъ, передавъ письмо коридорному и приказавъ немедленно опустить его въ почтовый ящикъ.

А затѣмъ, вернулся къ своей кровати и снова улегся спать.

Воротниковъ проснулся около часу дня и проснулся только потому, что кто-то сильно и настойчиво стучалъ къ нему въ дверь.

Дрожа нервной дрожью, онъ поднялся съ постели и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Васъ спрашиваютъ,—раздалось изъ коридора.

— Кто спрашиваетъ?

— Ларіонъ Семеновичъ Полтининъ.

— А гдѣ онъ?

— Да въ швейцарской ожидаютъ. Спрашиваютъ: можетъ ли вы ихъ принять?

— Скажи, что прошу,—отвѣтилъ Воротниковъ и, отправившись за перегородку, гдѣ стояла кровать, принялся быстро одѣваться.

«Что ему отъ меня надо?»—думалъ онъ, хватая трясущими руками разныя принадлежности своего туалета.—Батюшки! Да онъ, можетъ-быть, просто съ визитомъ!»—и хотѣлъ-было уже броситься за коридорнымъ и отмѣнить свое приказаніе, но было поздно.

Послѣ легкаго стука въ дверь, самъ Ларіонъ Семеновичъ вошелъ къ нему въ номеръ.

— Здравствуйте, Константинъ Федоровичъ!—захрипѣлъ онъ, бросая свою соломенную шляпу на диванъ.

— Здравствуйте, Ларіонъ Семеновичъ!—отозвался изъ за перегородки Воротниковъ, съ трудомъ застегивая запонки на рубашкѣ.—Извините, что я васъ такъ принимаю. Я еще не одѣтъ!

— Нѣтъ, это ужъ въ меня извините, что я ворвался. А мнѣ швейцаръ сказалъ, что вы уже проснулись. Извините, пожалуйста!

— Да нѣтъ, ничего, ничего! Я сейчасъ выйду!

И дѣйствительно, Воротниковъ, натягивая пиджакъ, вышелъ къ Полтинину.

— Боже мой, какъ меня всего ломаетъ!—сказалъ Воротниковъ, ёжась и вздрагивая.

— Съ непривычки это, Константинъ Федоровичъ, съ непривычки-съ! А вотъ мы такъ втянулись! Намъ, какъ съ гуся—вода!—весело хрипѣлъ Полтининъ, разваливаясь на диванѣ и поигрывая часовой цѣлочкой.

Воротниковъ же хватался то за голову, то за сердце и не могъ спокойно сидѣть на креслѣ.

— Давытого, голубчикъ! Вы бы того... Вы бы поправились!

— То-есть какъ поправиться?—переспросилъ Воротниковъ.

— Да очень просто—какъ! Клинь клиномъ! Да вотъ, чего лучше,—продолжалъ Полтининъ, взглянувъ на свои большіе, золотые часы.—Теперь самое настоящее время! Ыдемте-ка завтракать!

— Куда завтракать?

— Да на бульваръ, въ ресторанаъ къ Моисѣвичу. У него поваръ нынче хорошій, славно стряпаетъ!

— Боже мой! Да мнѣ объ ѣдѣ теперь подумать страшно!—замахалъ руками Воротниковъ.

— Да вѣдь это смотря о какой ѣдѣ! А я вамъ такое мѣню придумаю, что съ удовольствіемъ покушаете. А какъ покушаете, сейчасъ же и легче будетъ. А то—бѣда! Съ непривычки-то натошакъ жестокое томленіе.

— Да я не умывался еще!—начиналъ уже сдаваться Константинъ Федоровичъ.

— А вы умойтесь! Я васъ подожду.

Воротниковъ отправился опять къ себѣ за перегородку и принялся наскоро умываться. А минутъ черезъ десять, великолѣпный рысакъ Полтинина несъ ужъ ихъ къ привольскому бульвару, гдѣ пріютился хорошенькій ресторанаъ Моисѣича «Бельведеръ».

Ларіона Семеновича встрѣтили тамъ съ превеликимъ почетомъ. Самъ хозяинъ выбѣжалъ навстрѣчу и проводилъ гостей во второй этажъ, въ отдѣльный кабинетъ, съ большимъ балкономъ, выходившимъ на Волгу.

— Ну, здѣсь на балкончикѣ и позавтракаемъ!—сказалъ Полтининъ, присаживаясь къ столику и отодвигая стулъ для Воротникова.—Такъ вотъ что, любезный другъ Лука Моисѣичъ, угости-ка ты насъ хорошимъ завтракомъ.

— А что прикажете приготовить, Ларіонъ Семеновичъ?—почтительно изгибаясь, спрашивалъ хозяинъ.

— Къ водкѣ ты намъ дашь маринованныхъ осетровыхъ хрящей; ну, да редиски что ли; огурчиковъ подновскаго малосола. А потомъ сооруди ботвинью хорошую. А на второе—что-нибудь полегче, ну, вотъ этакъ—циплятокъ, что ли а л'эстрагонъ. На сладкое—земляники со сливками. Оно будетъ легко и освѣжительно.

— Вино ваше прикажете? Маркобрунеръ?

— Да, да! Подхолоди моего Мракобрундера,—умышленно ломая слова, распорядился Полтининъ.

Воротниковъ снялъ шляпу. Легкій вѣтерокъ, дувшій съ Волги, пріятно освѣжалъ его голову, но нервная дрожь продолжалась и сердце мучительно ныло.

«Василиса! Квасу!»—вспомнились ему мучительные стоны доктора Лыкошина, и онъ не замѣтилъ самъ, что совершенно громко произнесъ эти слова.

— Что, кваску хотите?—спросилъ, разсмѣявшись, Полтининъ.

— Да, съ удовольствіемъ бы!—подтвердилъ Воротниковъ.

И когда, черезъ минуту, лакей подалъ серебряный жбанчикъ великолѣпнаго, игристаго квасу, Воротниковъ принялся жадно, стаканъ за стаканомъ пить этотъ освѣжающій напитокъ.

— Довольно!—остановилъ его Полтининъ.—Квасъ надо пить въ мѣру. Это, вѣдь, не вино! Съ него, вѣдь, и хорошо можетъ приключиться. А вотъ пожалуйста-ка рюмочку листовочки! Да осетровымъ хрящемъ ее припечатать! Осетровый-то хрящъ на листовку падокъ! Самъ за ней гонится!—приговаривалъ Ларіонъ Семеновичъ, наливая Воротникову большую рюмку блѣдно-зеленой листовки.

Литературный альбомъ. „Господа Головлевы“, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Анишка у Іудушки.
Рис. А. Эйнера, авт. «Нивы».

Его законная жена.

Рассказ Р. Киплинга.

Шекспир говорит кое-что о червяках, громадных и маленьких, которые могут поднять головы, если неосторожно наступить на них. Всего лучше никогда не наступать на червяка —

даже на самого младшего офицера, только что прибывшего из Англии, с пуговицами, только что развернутыми из бумаги, и с румяными от английского мяса щеками. Я расскажу историю о червяке, поднявшем голову. Ради краткости мы будем называть Генри Августуса Рамзая Фезанна просто Червяком, хотя он был очень хорошеньким мальчиком, без единого волоска на лице, и с тонкой, как у девушки, талией, когда приехал во второй «шикарский» полк, где его постарались сделать несчастным. В «шикарях» служили все люди хорошего происхождения, и там, чтобы ужиться с товарищами, следовало отличаться чем-нибудь — играть на банджо, или бздить верхом лучше, чем хорошо, или петь, или быть актером.

Червяк ничего этого делать не умел. Он в вист не играл, прорывал суку на бильярде, пел фальшиво, любил одиночество и писал письма маме и сестрам. Четыре из этих пяти вещей, по мнению «шикарей», были пороками, которые они желали иско-

ренить. Всем известно, что товарищи-офицеры не любят, чтобы преследуемый горячился. Все идет хорошо до тех пор, пока человек не выйдет из себя, и тогда начинаются настоящие неприятности.

«Шикари» сильно подшучивали Червяка, но он переносил все, не моргнув. Он был так кроток, так желал обучаться, так сильно краснел, что его оставили в покое все, кроме старшего офицера, продолжавшего отвращать жизнь Червяку. Старший офицер не питал злого умысла, но насмешки его были грубы, и он не умел во время остановиться. Он слишком долго ждал своего назначения ротным командиром, что всегда ожесточает человека. Кроме того, он был влюблен, и вследствие этого еще более неосторожен.

Однажды он попросил у Червяка для какой-то несуществующей дамы, и сам все утро утрачивался с ним, и потом написал ему письмо тоже от какой-то дамы, и все это рассказал в офицерском собрании. Червяк поднялся с своего места и спокойно, своим женским голосом сказал:

— Обманули вы меня очень удачно, но я предлагаю вам пари

Мобилизация в деревне. Сельский староста вручает повестку призывному.
По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

Мобилизация в деревне. Последняя гулянка в родной деревне. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

Мобилизация въ деревнѣ. Последній ужинъ въ семьѣ призванного. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

Мобилизация въ деревнѣ. Родительское благословеніе передъ отъездомъ призванного на войну. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

Мобилізація в деревні. Прощання призвального з синомъ. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».]

Мобилізація в деревні. Призвальною просить міръ не оставитъ его семью на случай смерти на войнѣ. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

Мобилизація в деревні. Прощанье призывного с дорогой могилой. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

и отдам свое месячное жалование, если не обману вас так, что вы будете помнить всю вашу жизнь, а в полку об этом обмане будут говорить и после вашей смерти.

Червяк был совершенно спокоен, и все присутствующие весело поддержали его. Старший офицер осмотрел его с головы до ног и ответил:

— Идешь, малютка.

Червяк призвал всех офицеров в свидетели, что пари принято, и, улыбаясь, снова углубился в книгу.

Прошло два месяца, и старший офицер продолжал заниматься образованием Червяка, который с наступлением теплой погоды немного оживился. Я уже говорил, что старший офицер был влюблен. Любопытно, что и девушка была в него влюблена. Хотя полковник говорил про него ужасные вещи, майоры резко хохотали, женатые капитаны многозначительно помалчивали, а юноши от души смеялись, но, тем не менее, о помолвке было открыто объявлено.

Старший офицер был так доволен, что получил роту и что предложение его было принято, что перестал приставать к Червяку. Невеста была хорошенькая и с деньгами. В этом рассказе о ней речи не будет.

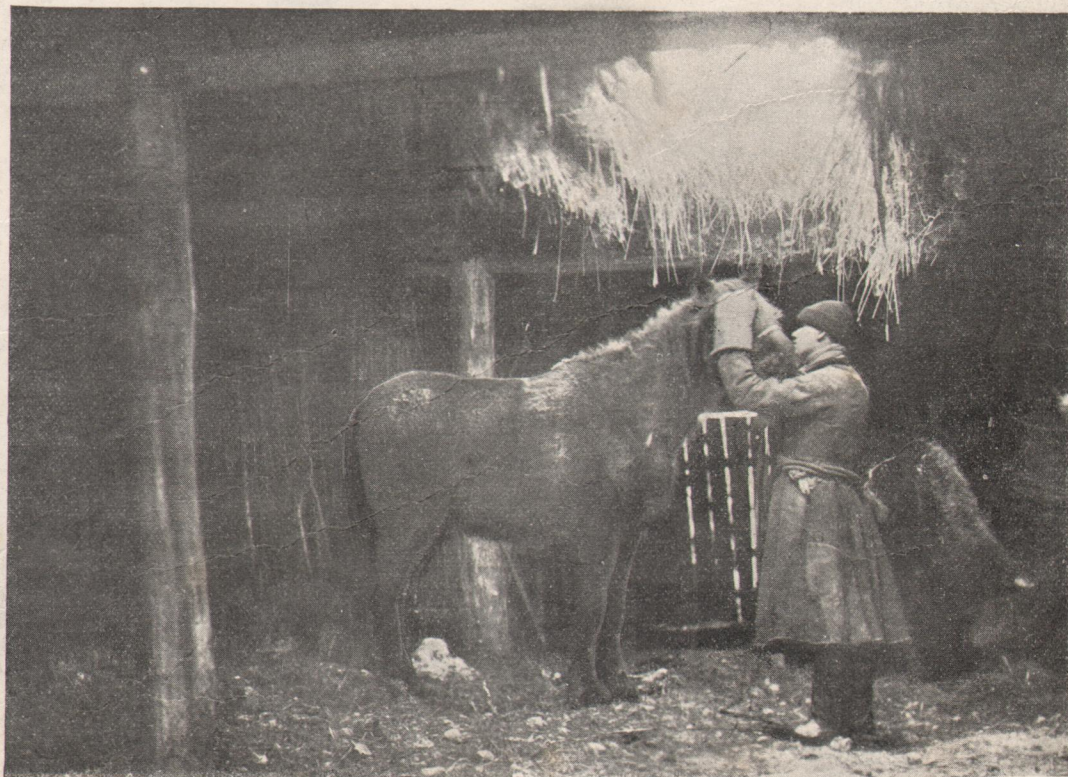
Однажды вечером, в самом начале знойного времени, все офицеры, за исключением Червяка, отправившись к себе в комнату, чтобы писать письма домой, сидели на террасе офицерского собрания. Музыка перестала уже играть, но никому не хотелось уходить. Жены капитанов сидели тут же. Глупости влюбленного человека нет границ. Старший офицер распространялся о достоинствах девушки, его невесты, и дамы соглашались с ним, а мужчины звали. Вдруг во мраке послышалось шуршание некоего платья, и утомленный, тихий голос проговорил:

— Где тут мой муж?

Я вовсе не хочу дурно отзываться о нравственно-

своей юности? Разве этого зачастую не случается? Мы ничего не знали и желали послушать; и капитанские жены не менее нас желали разузнать все дело. Если он и был изловлен, то это было совершенно извинительно, потому что женщина в запыленных ботинках, и в скомканном дорожном платке, с черными волосами и большими глазами, полными слез, была очень хороша собой. Она была высокая, тоненькая, а голос ее прерывался от рыданий, так что жаль было слушать. Только что старший офицер поднялся с своего места, как она обвила его шею руками, и, называя его своим «милым», говорила, что не могла больше ждать его в одиночестве в Англии, и что письма его стали так холодны и кратки, и потому она решила поехать в такую даль! Простить ли он все это? Речь ее была немного смела для женщины.

Дело принимало скверный оборот, и капитанские жены с лю-

Мобилизація в деревні. Прощай, товарищ! По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

боиществом посматривали на старшего офицера, а лицо полковника нахмурилось, какъ на страшномъ судѣ, и никто не произносилъ ни слова.

Наконецъ полковникъ рѣзко проговорилъ: — «Ну что скажете, сэръ?» А женщина снова зарыдала. Старшій офицеръ задышался отъ облытій, но все-таки проговорилъ: — «Это... это... чертовская ложь! У меня никогда въ жизни не было жены!»

— Полноте! — сказалъ полковникъ. — Идемте въ собраніе. Надо дѣло это разъяснить!

Онь тяжело вздохнулъ. Полковникъ вѣрнулъ въ своихъ «шикарей».

Мы вошли въ первую комнату и при яркомъ освѣщеніи увидѣли, какъ хороша эта женщина. Она остановилась посреди насъ, то задышавъ отъ рыданій, то гордо выпрямившись, то простирала руки къ старшему офицеру. Это было нѣчто въ родѣ четвертаго акта трагедіи. Она рассказала намъ, какъ старшій офицеръ женился на ней въ прошломъ году, когда ѣздилъ домой на полугодовой отпускъ; и она знала столько же, сколько знали мы, и даже болѣе, о его родныхъ, и о его прошлой жизни. Онь былъ мертвенно блѣденъ, стараясь по временамъ прервать потокъ ея рѣчей; а мы, видя, какъ она хороша собой и какъ онъ былъ смущенъ, въ душѣ брали его скотиной, хотя въ то же самое время и жалѣли.

Мнѣ никогда не забыть упрековъ, которыми жена осыпала старшаго офицера. Да и ему тоже не забыть ихъ. Это произошло все такъ внезапно, явилось откуда-то изъ мрака и неожиданно нарушило порядокъ нашей жизни. Капитанскія жены стояли поодаль, но глаза ихъ сверкали, и очевидно онѣ тоже обвинили старшаго офицера. Полковникъ точно лѣтъ на пять состарился. Одинъ май-

оръ, заслоняя глаза отъ свѣта, смотрѣлъ на женщину изъ-подъ руки. Другой покручивалъ усы и улыбался, точно передъ нимъ разыгрывалась пьеса. Въ самой серединѣ, около картонныхъ столовъ, собака старшаго офицера ловила мухъ. Я такъ хорошо все это помню, точно сцена эта снята была фотографіей. Я помню выраженіе ужаса на лицѣ старшаго офицера. Зрѣлище это было интереснѣе зрѣлища казни черезъ повѣшеніе. Въ заключеніе женщина заявила, что на лѣвомъ плечѣ у старшаго офицера выжжены двѣ буквы Ф и М. Мы все это очень хорошо знали, и въ невинности души полагаемъ, что большаго доказательства и желать нельзя. Но одинъ изъ холостыхъ майоровъ очень вѣжливо сказалъ:

— Я надѣюсь, что ваше брачное свидѣтельство было бы самымъ лучшимъ доказательствомъ.

Это взорвало молодую женщину. Она выпрямилась, презрительно засмѣялась, глядя на старшаго офицера, и выругала майора, полковника и всехъ насъ. Затѣмъ она заплакала и, вынувъ бумагу, высокомерно

но сказала:

— Возьмите! И пусть мой мужъ... мой законный, обвиненный мужъ... прочтетъ ее вслухъ... если только у него достанетъ смѣлости!

Все смолкли и смотрѣли другъ на друга, когда старшій офицеръ въ смущеніи выступилъ впередъ и взялъ бумагу. Стоя тутъ, мы все думали, что и со всякимъ изъ насъ можетъ случиться нѣчто подобное. У старшаго офицера пересохло въ горлѣ; но, пробѣжавъ глазами бумагу, онъ хрипло захохоталъ и обратился къ женщинамъ такъ:

— Ахъ вы, юный негодий!

Мобилизація въ деревнѣ. Прощаніе призывного съ семьей. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

Мобилизація въ деревнѣ. Прощаніе призывного съ односельчанами. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

Молодая женщина убъжала, а на бумагахъ было написано слѣдующее:

«Симъ удостовѣряю, что я, Червякъ, расплатился вполне со старшимъ офицеромъ, и далѣе, что старшій офицеръ, по условію, заключенному 23-го февраля и засвидѣтельствованному всеми офицерами, состоитъ мнѣ должнымъ свое мѣсячное содержаніе, по законному курсу, принятому въ Индійской имперіи».

Послѣ этого на квартиру Червяка отправилась депутація и застала его снимающимъ корсетъ. Шляпа же, парикъ, строе платье и все другое лежало на постели. Онъ явился въ собраніе уже въ своемъ видѣ, и «шикари» кричали до того, что сторожа собранія пожела-ли узнать, не могутъ ли они принять участіе во всеобщемъ весельѣ. Кажется, всѣ мы, за исключеніемъ полковника и старшаго офицера, были немного огорчены, что скандалъ этотъ ничѣмъ не кончился. Таковъ ужъ человѣкъ. Всѣ были поражены сценическими способностями Червяка. Онъ явился передъ нами въ настоящей трагической роли. Когда офицеры, окруживъ его, стали спрашивать, почему онъ не сказалъ имъ, что онъ такой хорошей актеръ, онъ спокойно отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, вы меня объ этомъ и не спрашивали. Я въ Англіи всегда игралъ съ сестрами.

Но никакая игра съ дѣвчушками не могла сравниться съ его игрой въ этотъ вечеръ. Лично мнѣ все это не нравилось. Это была вещь опасная. Съ огнемъ играть не слѣдуетъ даже ради шутки.

«Шикари» выбрали его предсѣдателемъ полкового драматическаго клуба, и когда старшій офицеръ уплатилъ свой долгъ, что онъ сдѣлалъ немедленно, Червякъ пожертвовалъ деньги на деко-

раціи и костюмы. Онъ былъ добрый Червякъ, и «шикари» гордятся имъ. Онъ понесъ за это только одно наказаніе, а именно, что его прозвали «старшей офицершей»; и такъ какъ теперь на станціи имѣются двѣ старшія офицерши, то иногда выходитъ путаница.

Мобилизація въ деревнѣ. Въ далекій путь! По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

снимки представляютъ общій внѣшній и внутренній видъ позиціи полка. Что тутъ есть похожего на то, что мы привыкли понимать подъ словомъ «позиція»? Насколько эта позиція своеобразна по своему внѣшнему виду, настолько же въ высшей степени своеобразна и жизнь въ этихъ окопахъ-катакомбахъ.

Японская «позиція» свиду похожа на нашу; вѣроятно, и жизнь внутри этой позиціи напоминаетъ нашу. Въ общихъ чертахъ такая позиція представляетъ глубокую щель, вырытую на ровной поверхности, глубиною въ 2½—3 арш. и шириною въ 1½—2½ аршина; на днѣ этой галлерей устроены пещеры, или, вѣрнѣе,—норы, въ которыхъ живутъ офицеры и солдаты, конечно не раздвываясь ни днемъ, ни ночью. Никакой насыпи или бруствера не допускается, потому что бризантными гранатами японцевъ онъ сейчасъ же будетъ снесенъ; чуть кто высунетъ голову изъ этой щели, чтобы посмотреть кругомъ, японцы немедленно откры-

Что такое современная боевая позиція?

(Рис. на стр. 155 и 156).

Переживаемая нами въ настоящее время русско-японская война, представляя собою рѣзкую характеристику войны современной, наглядно показываетъ намъ, насколько бой и по внутреннему содержанию, и по внѣшнему виду рѣзко отличается отъ боевъ минувшихъ временъ.

Помѣщенные на стр. 155 и 156

Мобилизація въ деревнѣ. Призывной, не принятый по случаю семейнаго положенія, возвращается въ свой домъ. По фот. С. Смирнова, авт. «Нивы».

вают огонь. Конечно, и у нас лучшие стрѣлки дежурят у бойницъ и не позволяютъ японцамъ любоваться мѣстностью. Въ норкахъ на днѣ позиціи солдаты кипятятъ супъ и чай.

Одиночный непрерывный огонь не прекращается цѣлый день и продолжается даже и ночью. Все-таки, ночью можно выгладнуть на свѣтъ Божій съ болѣе легкимъ сердцемъ, потому что въ ночное время гуляютъ только пули шальные, отъ которыхъ, положимъ, не легче, но все же это не прицѣльный огонь.

На войнѣ.

(Отъ нашего специального корреспондента).

Новый годъ на Путиловской сопкѣ.

Когда, проведя нѣсколько рождественскихъ дней на Путиловской сопкѣ, я вечеромъ возвращался въ Гудзяды, то рѣшилъ, что это была моя послѣдняя поездка на сопку. Я уже зналъ ее, какъ свою квартиру, наслушался орудійныхъ концертовъ, надышался лидитнымъ дымомъ и въ достаточной степени разстроилъ свои нервы. На приглашеніе офицеровъ встрѣчать съ ними на сопкѣ новый годъ, я отвѣтилъ уклончиво, но когда 31-го декабря въ Гудзяды мѣстные офицеры стали хлопотать о встрѣчѣ новаго года въ обстановкѣ, хотя и походной, но далеко не столь боевой, какъ тамъ, въ первой линіи — меня опять потянуло на сопку.

Встрѣтить новый годъ подъ выстрѣлами—на самомъ боевомъ пунктѣ позиціи, гдѣ какъ разъ въ эту ночь ждали атаки япон-

цевъ—это случай, который едва ли можетъ представиться когда-либо въ жизни. Помимо того, быть вездѣ и видѣть все своими глазами—участъ военного корреспондента. Этихъ двухъ соображеній было совершенно достаточно, и черезъ четверть часа моя верховая лошадь уже стояла у дверей моей землянки. Я захватилъ въ карманъ пару бутылокъ Редерера, добытыхъ въ лавочкѣ дер. Чаньсяматунъ и, въ сопровожденіи одного вѣстового, направился по дорогѣ къ Хуаньшаню.

Въ Петербургѣ не принято, чтобы приглашенные приносили съ собой вино въ карманахъ, но на позиціяхъ успѣли отвыкнуть отъ условностей тонкостей европейской жизни.

До тонкостей ли послѣ того, когда приходится по три дня не умываться и спать на китайскихъ канахъ, которые никогда не знали персидскаго порошка, что, впрочемъ, было бы излишне: это могучее для Европы средство, здѣсь оказалось бы безсильнымъ.

Я выхалъ въ 8 часовъ вечера. Начиная темнѣть, и сгустился туманъ, который въ послѣдніе дни обволакивалъ всю мѣстность около позицій.

Съ Путиловской сопки все слышнѣе и слышнѣе доносились выстрѣлы. Весь день, съ 6 часовъ утра, тамъ была жестокая канонада.

Бхать къ позиціямъ въ туманѣ и въ сумерки, вещь не безопасная, потому что, хотя японцы и далеко, но по дорогамъ устроены проволочныя загражденія. Для кого они устроены, сказать трудно.

Внутренній видъ современной боевой позиціи. По фот. авт. «Нивы».

На современной боевой позиціи. По фот. авт. «Нивы».

Можно было бы предположить, что для военных корреспондентов, но по тем же дорогам ходят наши войска, и бдять даже офицеры генерального штаба, которым надеждить больше всего заботиться о своей безопасности.

Зная о существовании этих проволочных заграждений, я пустил своего востового, как человека болѣе зрячаго, вперед. Мы вѣхали полною рысью. Вдруг слышу, мой востовой что-то кричит, и вижу его нагнувшуюся фигуру. Я моментально дѣлаю то же самое, и телеграфная проволока сбрасывает мою фуражку.

Мой востовой, по имени Рудь, слѣзаетъ съ лошади и начинаетъ въ темнотѣ отыскивать ее. Я же принимаюсь изслѣдовать положеніе проволоки. Она пересѣкаетъ дорогу подъ угломъ приблизительно въ 45 и протянута (весьма туго) на высоту горла человека, сидящаго на лошади. Конному, при хорошей рыси, она съ успѣхомъ можетъ перерѣзать горло и лишь, при особомъ счастьи, прорѣзать ротъ до самыхъ ушей. Днемъ внимательный человекъ эту проволоку увидитъ, но на основаніи жизненнаго опыта оказывается, что въ Манчжуріи послѣ дня наступаютъ ночь, совершенно такъ же, какъ и вездѣ на земномъ шарѣ.

Туманъ сгустался все болѣе и болѣе. Мы плыли въ какомъ-то молокѣ безъ запаха и вкуса. Идти приходилось, разумеется, шагомъ и притомъ рядомъ, потому что на сажень впередъ моего востового уже не было видно. Чтобы не наткнуться опять на проволоку, онъ взялъ винтовку изъ-за спины и держалъ ее передъ собою. Это оказалось не лишнимъ, потому что скоро винтовка коснулась новой проволоки.

Мнѣ казалось, что мы крутимъ около одного и того же мѣста.

— Да это та же самая проволока, — говорю я своему спутнику.

— Никакъ нѣтъ, это новая. Ихъ еще много будетъ, — отвѣчаетъ онъ, и въ его голосѣ слышится совершенно неумѣстная радость.

Мы почтительно нагибаемся подъ проволокой и вѣдемъ дальше. Мнѣ казалось, что мы сбились съ дороги. Въ это время на выручку намъ послышались выстрѣлы, но направленіе ихъ было значительно правѣе. Несмотря на увѣренія востового, что нашъ путь

прямо, я свернулъ вправо, и мы поѣхали по колючему гаолиновому полю. Минутъ десять была тишина, но затѣмъ опять грянули выстрѣлы, и опять правѣе насъ. Очевидно востовой держалъ свой курсъ. Кроме того по сторонамъ дороги въ туманѣ стали возвышаться какія-то строенія. Мы вѣхали по деревнѣ, которая въ этомъ мѣстѣ нашего пути не должна была находиться.

Въ эту минуту я съ восторгомъ вспомнилъ, что взялъ съ собой карманный электрическій фонарь. Случай пустить его, въ дѣло какъ нельзя болѣе подходящій. Я не сказалъ востовому ни слова

о своемъ открытіи и рѣшилъ его поразить радостной неожиданностью.

Теперь конецъ нашему блужданію — у насъ есть путеводная звѣзда. Я взялъ драгоценный предметъ въ лѣвую руку, между мною и востовымъ, и сталъ отыскивать кнопку. Въ этотъ короткій промежутокъ времени я подумалъ о человѣческой неблагодарности. Когда этотъ самый фонарь я покупалъ въ экономическомъ обществѣ, въ Мунденѣ, и съ меня спросили за него шесть рублей, я нашель, что это дорого, и, скрѣпя сердце, заплатилъ деньги. Люди, поглотившие обиходомъ жизни, не цѣ-

нить великихъ изобрѣтеній. Теперь я бы за него далъ сто рублей и прибавилъ бы къ этому словесную благодарность.

Наконецъ, кнопка найдена. Я протянулъ фонарь впередъ, чтобы мгновеннымъ свѣтомъ разсѣять передъ нами могильный мракъ и... нажалъ кнопку...

Мнѣ впоследствии не удалось спросить у своего востового, былъ ли онъ пораженъ неожиданнымъ свѣтомъ, вспыхнувшимъ между мордами лошадей, но все послѣдующее показываетъ, что главнымъ образомъ были поражены сами лошади. Эффектъ получился совершенно непредвидѣнный.

Увидя у своихъ глазъ, необычайный свѣтъ, обѣ лошади, какъ бѣшенныя, рванулись въ стороны, и я почувствовалъ, что мой беретъ какое-то препятствіе. Это была подвараженная стѣна двора. Затѣмъ что-то больно ударило меня по ногѣ. Это былъ столбъ отъ наѣвса. Я протянулъ руку, и она погрузилась въ солому. Затѣмъ новое препятствіе — арба, черезъ которую лошадь перескочила и поскакала дальше въ глубокую тьму. Стрелы, которыя имѣютъ

Сторожевая часть на современной боевой позиціи. По фот. авт. «Нивы».

Внутри современной боевой позиціи. По фот. авт. «Нивы».

Землянки у деревни Эрдагоу. По фот. авт. «Нивы».

способность ускользнуть из-под ног в самую критическую минуту, бодались в пространстве уже с того момента, когда лошадь брала первый барьер, т. е. забор, и уже от этого пункта и до арбы я балансировал на ней, как гимнаст на слабо натянутом канате.

Что же касается меня самого, то у арбы я почувствовал, что какая-то невбдимая сила различает меня с моим верным конем и без всякой предосторожности кладет меня на жесткую мерзлую землю.

Не успев еще сообразить, какая часть тела у меня больше всего пострадала, как услышал отчаянный крик моего востового.

— Хунхузы!! Хунхузы!!

Этого еще не хватало. Мало было одного несчастья! Мы окружены хунхузами. Я хотел крикнуть востовому, чтобы он стрелял, но сейчас же сообразил, что это выдаст в темноте мое присутствие. Лучше будет выполнить роль засады. За моей спиной был колодезь. Я облокотился на него и вынул из кармана револьвер.

Недалеко кто-то бежал... Я приготовился и решил дорого продать свою жизнь. В темноте бегущаго не было видно, но по голосу я узнал моего востового. Он, очевидно, был на улице, у ворот, где остановился и топтался на месте. Не было сомнения, что он поймал хунхуза.

Отряд генерала Мищенко на позиции при деревне Эрдагоу, вернувшийся после целого ряда боев. По фот. Ставского, авт. «Нивы».

Последний поезд товарно-санитарного отряда, отходящий от ст. Ляоянь.
По фот. авт. «Нивы».

— Рудь!—крикнул я ему.—Ты поймал хунхуза?
— Так точно!.. поймал!..

Такой конец был самым желательным. Лучше взять в плен, чем проливать кровь. Но мой Рудь мало того, что гуманно обошелся с хунхузом — слышно было, как он его гладит и хлопает по щеке ласково приговаривая:

— Но, но, хунхуз... Ээ! дурной... но, но, шш...

Тут только я вспомнил, что «Хунхузом» зовут его лошадь.

Теперь оставалось привести в известность наши потери. Рудь привязал свою лошадь к сараю, зажег спичку и стал отыскивать мое присутствие.

— Ваше высокоблагородие, шибко ушиблись?—тревожно спросил он, видя меня в безпомощной позе.

Но прежде, чем ответить, мне нужно было самому узнать об этом. Я стал ощупывать бока и почувствовал место совершенно мокрое. Ощущение крови в этих случаях бывает самым неприятным открытием, но теперь она была холодная и пахла шампанским. Из двух бутылок осталась одна. Мы общими усилиями вынули осколки из кармана и пошли отыскивать мою лошадь. Ее не было ни на двор, ни в переулке. Наконец, с помощью зажженных спичек мы ее нашли в соседней фанзе, за разрушенным забором. Для ровнаго счета она, очевидно, взяла еще третью барьер.

Бѣдный конь все еще дрожал и пугливо озирался.
— Вы, ваше высокоблагородие, больше не свѣтите,—резонно замѣтил вѣстовой.

Второго подобнаго опыта я и самъ вовсе не намѣренъ былъ производить, да къ тому же и фонарь у меня въ рукахъ уже не было. Я помнилъ, что онъ вылетѣлъ на свободу одновременно со стременами, т. е. въ моментъ скачка черезъ наружный заборъ. Нужно было его отыскать. Мы долго копались въ грудѣ каменныхъ обломковъ стѣны и, наконецъ, нашли японскій шпательный стаканъ и наружный цилиндръ моего фонаря со стекляннмъ колпачкомъ, но безъ элемента. Онъ, повидимому, былъ потерянъ навсегда. Рудь попробовалъ надавить кнопку и, видя, что фонарь не дѣйствуетъ, радостно замѣтилъ:

— Этакъ и лучше, ваше высокоблагородие. Кони не будутъ пугаться.

Я хотѣлъ замѣтить, что фонарь могъ бы пригодиться въ другой разъ, но въ это время раздались нѣсколько отдаленныхъ выстрѣловъ, подозрительно отдаленныхъ и какъ разъ противъ насъ. Вскорѣ послышались разрывы далеко вправо.

— Послушай, Рудь,—сказалъ я, садясь на лошадь:—вѣдь мы ѣдемъ къ японцамъ, а мы туда вовсе не собирались...

— Никакъ нѣтъ, мы еще до рѣки не доѣхали...

— Но вѣдь разрывы далеко вправо—тамъ должна быть и сонка. Я говорилъ, что мы сблизимся съ дороги. Это ты все влѣво тянулъ.

Рудь молчалъ. Его, очевидно, взяло раскаяніе.

— Если мы теперь доѣдемъ до рѣки,—продолжалъ онъ тономъ примиренія:—перейдемъ рѣку, а тамъ берегомъ можно вправо...

Несчастья отнимаютъ у человѣка энергию. Я предоставилъ себя судьбѣ, и мы, выѣхавъ изъ деревни,

медленно поплыли въ облакахъ тумана. Черезъ четверть часа лошади круто спустились по откосу и стали скользить по льду. Мы переѣзжали рѣку Шахэ.

На другомъ берегу таинственный голосъ остановилъ насъ.

— Кто идетъ?..

— Свой!—самоувѣренно отвѣчаетъ Рудь.

— Что пропускае?

Мы молчимъ, потому что пропуска не знаемъ.

— Землячекъ.—ласково говоритъ Рудь:—какъ проѣхать на Путиловскую сонку?

— Что пропускае?—повторяетъ голосъ, но уже болѣе строго.

Мы угрюмо молчимъ, и я уже поворачиваю лошадь, предвидя неуспѣхъ нашихъ переговоровъ.

— Какой части?—спрашиваетъ голосъ, болѣе снисходительнымъ тономъ.

Передъ нами лучъ надежды. Я подѣзжаю ближе съ намѣреніемъ лично вступить въ переговоры.

— Военный корреспондентъ,—отчеканиваетъ Рудь, и къ нему возвращается прежняя самоувѣренность.

Къ первому таинственному голосу присоединяется второй. Они держать совѣтъ.

— Какой такой?—слышится вопросъ, полный недоумѣнія.

— Военный корреспондентъ!—повторяетъ Рудь, дѣлая ударенія на каждомъ слогѣ.

Но я вижу, что это понятіе для нихъ неизвѣстно, и начинаю цитировать выдержки изъ «Правилъ для военныхъ корреспондентовъ»:

— «На основаніи разрѣшенія штаба имъ разрѣшается на время военныхъ дѣйствій состоять при войскахъ арміи, причемъ вмѣняется въ обязанность не распространять никакихъ извѣстій о военныхъ приготвленіяхъ, численности, расположеніи, передви-

11-й сибирскій военно-санитарный поездъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Перевозка раненыхъ послѣ Ляоянскаго боя.
По фот. Ставскаго, авт. «Нивы».

женіи войскъ, о результатахъ дѣйствій непріятельскихъ снарядовъ, о поврежденіяхъ укрѣплѣній, о побитіи орудій и ограничиваются лишь правдивымъ изложеніемъ самихъ фактовъ...»

Мой доклад повидимому произвелъ на нихъ хорошее впечатлѣніе; и одинъ голосъ сказалъ:

— Зажги спичку.

Очевидно, предстоялъ наружный осмотръ.

Необходимо было удостовѣриться, имѣетъ ли человѣческой обликъ новое невѣдомое существо.

Около насъ оказалась группа солдатъ. Ближайшій, держа зажженую спичку, началъ водить ею передъ моею фигурой.

— Вольный, — сказалъ онъ тономъ разочарованія и бросилъ спичку.

— Какой же, братецъ, вольный, — запротестовалъ Рудь. — Говорятъ тебѣ — военный корреспондентъ... самый, значить, военный...

— Нельзя, — отрубалъ голосъ въ наступившей опять темнотѣ.

Минныя загражденія у деревни Эрдагоу. По фот. нашего корреспондента В. К. Булла, авт. «Нивы».

для новаго года развѣшивали на проволокахъ разноцвѣтные бумажные фонари.

Я зашелъ къ генералу Путилову. Онъ только что одѣлъ теплое верблюжьей шерсти пальто съ красной подкладкой, что придавало ему гораздо болѣе представительный видъ, чѣмъ его обычный костюмъ — бѣлая солдатская рубаха.

— Во время пріѣхаль, — встрѣтилъ онъ меня. — Сейчасъ будетъ у насъ молебень передъ новымъ годомъ.. Идемъ...

Но я рѣшилъ прежде зайти къ полковнику Иванову.

— Кстати спроси его, за что я ему сегодня апплодировалъ... Впрочемъ онъ самъ не скажетъ, лучше я разскажу. Сегодня у насъ была жаркая канонада — канонада, а баня. Стою я у землянки, а въ долині и здѣсь кругомъ снаряды такъ и рвутся... Гляжу, идетъ изъ своего обоза Ивановъ,

Санитарный летучій отрядъ Е. А. Вороновой. По фот. нашего корреспондента В. К. Булла, авт. «Нивы».

— А скажите, землячекъ, гдѣ намъ проѣхать на Путиловскую сопку? — неотступно и умоляющимъ тономъ продолжалъ мой вѣстовой.

— Не знаемъ, верти назадъ... Экой, братецъ, непонятный, говорятъ тебѣ безъ пропуска невозможно — значить нельзя...

Противъ такого заявленія протесты излишни. Мы опять переѣхали рѣку и пошли берегомъ. Въ разстояніи версты мы переѣхали дорогу и уже были въ знакомыхъ мѣстахъ.

Въ деревнѣ Сахоинъ, я отправилъ вѣстового съ лошадьми въ обозъ, а самъ пошелъ въ фанзу повидаться съ

офицерами. Они также готовились къ встрѣчѣ новаго года. Я попросилъ дать мнѣ провожатаго — солдата, чтобы пройти черезъ мостъ, и направился на Путиловскую сопку. Мрачная «Долина Смерти» тонула въ туманъ.

По приближеніи къ сопкѣ по склонамъ ея стали замѣтны свѣтлыя точки. Это солдатки

ходилъ онъ туда распорядиться насчетъ снарядовъ. Какъ разъ одинъ снарядъ разорвался передъ нимъ шагахъ въ четырехъ, не больше. Ну, думаю убить, а онъ даже шагу не убавилъ, только папаху снялъ и отряхнулъ и идетъ себѣ дальше, какъ по Невскому проспекту. Ну я ему въ ладоши захопалъ: браво, полковникъ, браво!

Иванова я засталъ въ его землянкѣ. Было уже около 12-ти часовъ, и мы немедленно направились къ походной церкви. На юго-восточномъ краю долины, упирався въ невысокій хребетъ, поставлена длинная палатка. Это и есть походная церковь...

Возвращеніе съ фуражировки. По фот. авт. «Нивы».

Богослужение уже началось. Внутренность палатки была уже полна, и человек десять солдат с открытыми головами стояли снаружи.

Мы вошли в палатку, и солдаты раздвинулись, давая нам дорогу. Тут было их человек до тридцати. Справа разместились солдатский хор. Рядом с ним стоял генерал Путилов. Далее офицеры, слева командир полка, командир Иванов и другие.

Обстановка часовни больше чем убогая, по смыслу ее, вопиет о солдатской охрощающей боевой обстановкой, производил впечатление неотразимое. Бдный, почти пустой уголок для молитвы, притившийся на краю этой Долины Смерти под свистящими снарядами, поражал своей безыскусственной святостью. Тут ничто не напоминало церкви, но каждый входящий сюда не мог не молиться.

Склон хребта срезан отвесно. Это восточная стѣна церкви. На ней привнесен маленький образ-складень, окруженный вѣтками сосны, воткнутыми в земляную стѣну. Немного отступя, на земляном полу—стол. На нем, по бокам, два стакана *ираниельныхъ снарядовъ*, наполненных землей, с воткнутыми зажженными свѣчами. Вот и вся обстановка этой походной церкви.

Служил полковой священник отец Павел Баптиданов.

Богослужение шло своим порядком, пѣвчие пѣли стройно, и ничто пока не нарушало скромной торжественности службы. Нѣкоторые солдатики, оступившись на колѣни, набожно крестились.

Но вот оглушительный удар выстрѣла раздался совсем близко от палатки, и снаряд просвистѣл над самой крышей ее.

Всѣ невольно подняли глаза. Верх палатки трепетал от воздушного урагана, произведеннаго снарядомъ.

Второй удар, и въ толи секунды легкое движение.

— Это наши,—сказал кто-то шопотомъ.

Над палаткой опять свист, от котораго на мгновение замирает сердце. Снаряд проносится так близко над палаткой, что всѣ невольно поднимают глаза. Но богослужение идет своим порядком, и священник, чтобы не показать торопливости и поддержать спокойствие молящихся, начинать произносить слова медленно и громче, но симпатичный голос его поддается общему настроению, и вмѣстѣ съ глубокимъ чувствомъ въ нем слышится волнение...

Регент тихо дает аккордъ, но въ эту минуту новый удар заглушает его голосъ, и пѣвчие сбиваются съ тона... Никто не смотритъ въ ихъ сторону, желая казаться равнодушнымъ ко всему, не замѣчающимъ общаго волнения, но въ то же время ухо каждого чутко прислушивается, не донесется ли другой выстрѣлъ, глухой... далекий.

И когда такой выстрѣлъ доносится съ юга, то невольно начинаешь отсчитывать секунды и ждать, не послышится ли отдаленнаго свиста неприятельскаго снаряда. Секунды долги и томительны... Нѣтъ, это нашъ разрывъ.

Въ эту ночь стрѣляла наша мортирная батарея на ближнемъ берегу рѣки, какъ разъ на линіи палатки. Это былъ салютъ новому году... который, однако, какъ потомъ оказалось, произвелъ большія оупущенія въ неприятельскихъ траншеяхъ.

Богослужение шло своимъ порядкомъ...

Работа орудій велась непрерывно, и послѣ каждого удара, въ минуту тишины тянулись тѣ долги секунды ожиданія, въ которыхъ слѣдишь за его далекимъ невидимымъ полетомъ, желая удостовериться, что новый глухой ударъ это его разрывъ, а не неприятельскій выстрѣлъ, который въ отвѣтъ нашей батареи угрожалъ тѣсной кучкѣ людей, собравшейся въ походной церкви...

Но вотъ опять сухой отрывистый ударъ, и какъ отдаленное эхо, въ горахъ пѣлый рядъ глухихъ ударовъ... Это не нашъ разрывъ, который можетъ быть одиночнымъ... Это—неприятельскій залпъ.

Солдатики начинаютъ быстро креститься. Стая на колѣни и скрыть себя этимъ за тѣлами товарищей никто не рѣшается. Даже тѣ, которые стояли раньше на колѣняхъ, поднимаются во весь ростъ. Слышится голосъ регента, подающаго тонъ. Онъ опускаетъ поднятую руку, но чувство томительнаго ожиданія удерживаетъ пѣвчихъ... они молчатъ... секунду... другую... нѣсколько голосовъ берутъ слабый разстроенный аккордъ, и въ то же время дикимъ ураганомъ проносятся въ воздухъ неприятельскіе снаряды, и трескучій грохотъ разрывовъ слышится гдѣ-то въ сторонѣ...

Богослужение продолжается своимъ порядкомъ...

Когда во время канонады люди стоятъ въ окопахъ или на открытой мѣстѣ, то каждый сознаетъ нѣкоторую возможность предвидѣть мѣсто удара снаряда и дать волю чувству самосохраненія. Но люди, собравшіеся здѣсь и прикрытые холстомъ палатки, могли только слышать, и оставаясь неподвижными и хладнокровными, должны были ничего не слышать и не видѣть, кромѣ происходящаго передъ ними богослуженія...

Когда священникъ произнесъ: «преклонимъ колѣна, Господу помолимся...»—всѣ, какъ одинъ, опустили на колѣни, и въ эти минуты не было тутъ ни одного человѣка, который бы не вспомнилъ Бога...

Къ пріѣзду раненыхъ. Вагоны конно-железныхъ дорогъ, приспособленные для перевозки тяжело раненыхъ въ Петербургъ. По фот. авт. «Нивы».

Пропѣли многолѣтне подъ громовые удары выстрѣловъ.

«Христу лю бивому воинству много а я... лѣта... — провозгласилъ отецъ Павелъ, и для каждого присутствующаго эти слова были полны глубокаго смысла.

Молебень кончилась. За молчали орудія. Генералъ Путиловъ,

а за нимъ офицеры стали подходить къ кресту.

Всѣ поздравляли другъ друга съ новымъ годомъ и желали въ наступающемъ году успѣховъ и лучшихъ дней...

Это были не простые слова, которые говорятъ въ такихъ случаяхъ, а слова искреннія и сильныя увѣренностью, и произносились они людьми, стоящими *вперед*, жребій которыхъ въ эти новые дни—цѣною жизни своей рѣшатъ судьбы своего отечества...

По склонамъ сопки горѣли цѣлые фонарики. Солдатамъ раздавались праздничныя чарки водки. Въ одной изъ землянокъ собрались офицеры. Пили шампанское изъ жестяныхъ кружекъ, говорили рѣчи, бесѣдовали и ждали ночной неприятельской атаки...

Отъ сторожевыхъ постовъ было получено сообщеніе, что со стороны японцевъ слышны массовыя передвиженія цѣхотныхъ частей и что надо ожидать атаки.

У насъ не спали всю ночь.

Однако ночь прошла спокойно. Утромъ 1-го января выходившіе изъ землянокъ были поражены новымъ пейзажемъ. Всѣ склоны сопки и «Долина Смерти» блестяли бѣлоснѣжной пеленой. Но это былъ не снѣгъ, а иней послѣ морозной и туманной ночи.

Новый годъ не измѣнилъ программы жизни на Путиловской сопкѣ. Въ 11 часовъ кака-то дальняя батарея послала японцамъ нѣсколько выстрѣловъ, ее поддержала 3-я ближняя батарея, а въ 12 часовъ на сопкѣ уже гремѣла обычная канонада.

19 января.

В. А. Табуриновъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе).—Его законная жена. Разсказъ Р. Киплинга.—Что такое современная боевая позиція?—На войнѣ. (Отъ нашего специальнаго корреспондента).—Объявленія.

РИСУНКИ: Въ царствѣ вѣчнаго покоя.—Божественный цѣлитель.—Злада.—Литературный альбомъ. „Господа Головлевы“, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Аннинка у Іудушки.—Мобилизація въ деревнѣ. 1) Сельскій староста вручаетъ повѣстку призывному. 2) Последняя гулянка въ родной деревнѣ. 3) Последній ужинъ въ семьѣ призывнаго. 4) Родительское благословеніе передъ отъѣздомъ призывнаго на войну. 5) Прощаніе призывнаго съ сыномъ. 6) Призывный проситъ миръ не оставя его семью на случай смерти на войнѣ. 7) Прощаніе призывнаго съ дорогой могилкой. 8) Прощаніе, товарищи! 9) Прощаніе призывнаго съ семьей. 10) Прощаніе призывнаго съ односельчанами. 11) Въ далекий путь. 12) Призывной, не принятый по случаю семейнаго положенія, возвращается въ свою деревню.—Внутренній видъ современной боевой позиціи.—На современной боевой позиціи.—Сторожевая часть на современной боевой позиціи.—Внутри современной боевой позиціи.—Землянки у деревни Эрдагоу.—Отрядъ генерала Мищенко на позиціи при деревнѣ Эрдагоу, вернувшійся послѣ цѣлаго ряда боевъ.—Последній побѣздъ товарно-санитарнаго отряда, отходящій отъ ст. Лянонь.—И-й сибирскій военно-санитарный побѣздъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Перевозка раненыхъ послѣ Ляноньскаго боя.—Минныя загражденія у деревни Эрдагоу.—Санитарный летучій отрядъ Е. А. Вороновой.—Возвращенія съ фуражировки.—

Нъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 24.

За издателя Л. Ф. Маркъ.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.